

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр ГУРЕВИЧ

К 150-летию со дня смерти А. Н. Радищева

ВЕЛИКОЕ СЛОВО

(О влиянии сочинений А. Н. Радищева на развитие общественной, научной мысли в Сибири)

Замечательная жизнь и деятельность Александра Николаевича Радищева дорога советским людям. Гениальные вожди революции Ленин и Сталин высоко оценили подвиг служения народу великого русского революционера, писателя и философа.

В славную дату двухсотлетия со дня рождения А. Н. Радищева в 1949 году «Правда» писала: «Это один из тех сынов русского народа, имена которых всегда будут с величайшей признательностью и уважением произносить наши современники и потомки. Мы чтим память Радищева потому, что в нем выразилось величие духа нашего народа, выдвигавшего из своей среды борцов за правду, за свободу даже в самые мрачные времена полицейско-помещичьего деспотизма, когда бич помещика являлся олицетворением законности, когда миллионам крепостных крестьян было отказано в элементарных человеческих правах».

Через всю свою жизнь пронес А. Н. Радищев непоколебимую верность своим убеждениям, своему стремлению служить интересам трудового народа, бороться за его освобождение от гнета царизма. Приговоренный к смертной казни за свою гневную, обличительную книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев не отказался от революционных мыслей, высказанных им на страницах своей книги. И, находясь в илимской ссылке, он оставался убеж-

денным противником самодержавия и крепостного права.

Верный своим идеалам, А. Н. Радищев выступил в защиту их в государственной александровской комиссии по выработке законов. Это вызвало возмущение и страх в среде крепостников. Председатель комиссии граф Завадовский не выдержал, чтобы не сказать Радищеву: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить попрежнему! Или мало тебе было Сибири?».

Одиноким, но гордым сознанием своей правоты, А. Н. Радищев решил и смерть свою сделать вызовом самодержавию, сказав близким своим: «Потомство отомстит за меня!». — Он ушел из жизни (12 сентября 1802 года) полный веры в творческие силы своего народа, о котором писал в «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири»:

«Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский...

...О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что сделать может блаженство общественное!».

И теперь, когда советский народ — героический строитель нового коммунистического общества — в сентябре 1952 г. торжественно отметил 150-летие со дня смерти А. Н. Радищева, безразлично остановить внимание читателей на тех материалах, которые связаны с изучени-

Все высказывания А. Н. Радищева цитируются по книге: «А. Н. Радищев. Избранные сочинения. Вступительная статья Г. П. Микокоенко. Гослитиздат, 1949 год» и «Полному собранию сочинений А. Н. Радищева. Том второй. Редакция, вступительные статьи и примечания В. В. Каллаша, М. 1907 г.».

ем Сибири и особенно с нашим Красноярским краем.

«Что за богатый край сия Сибирь, что за мощный край!» — воскликнул Радищев, посвящая себя делу познания мало раскрытой тогда для науки, неведомой, обширной Сибири.

«С юных лет я со страстью стремился совершать отдаленные путешествия: мне уже давно весьма желательно было ознакомиться с Сибирью. Желание мое исполнилось, хотя и жесточайшим образом».

Царское правительство пыталось ограничить любознательность А. Н. Радищева пределами Илимского поселения.

Радищев в знаменитом письме о китайском торге с горечью писал: «Для надежного о сих материях суждения не довольно жил в Иркутске, а Кяхты совсем не видал».

Но и в этих тяжелых условиях поднадзорного ссыльного Радищев сумел внести ценный вклад в сибиреведение. Еще в 70—80-ые годы XIX столетия газета «Сибирь», не взирая на свирепый запрет цензуры упоминать имя Радищева, великого русского революционера-писателя, напомнила читателям о том значении, которое имеют краеведческие наблюдения ученого: «Факты подобраны Радищевым так искусно и в таком количестве, что смело можно сказать, что Сибирь после Радищева не видела более человека, наблюдательного в равной мере».

А. С. Пушкин в своей статье о Радищеве подчеркивал, насколько тот в своем творчестве был связан с Сибирью.

Теперь, изучая произведения Радищева в условиях советской Сибири, мы имеем возможность привлечь большой сравнительный материал, который наглядно и убедительно показал бы как партия Ленина—Сталина и Советская власть резко изменили и географию и биографию городов и деревень Сибири, где некогда бывал Радищев в годы своего изгнания.

Вековые мечты лучших людей русского народа стали явью. Новой жизнью живут города и села Красноярского края, где в конце XVIII столетия проезжал с думою о тружениках-красноярцах великий сын русского народа А. Н. Радищев.

Влияние сочинений А. Н. Радищева на развитие общественной мысли в Сибири было весьма значительным.

С пребыванием самого Радищева в Сибири интерес к нему, как к автору антиправительственной книги, нарастал с каждым месяцем и годом.

Сравнительно быстро для того периода времени сибиряки узнали о появлении запрещенной книги, направленной против самодержавия, крепостного права. Они искали встречи с автором, стре-

мясь непосредственно от него узнать все, что касалось его судьбы и судьбы его книги. Один из сыновей Радищева так рассказывал об этом:

«Книга его была причиной его несчастья, но она прославила его, и имя его всегда будет драгоценно истинным патриотам русским».

Его несчастье, его ссылка еще более обратили на его «Путешествие» и на него самого внимание современников.

Везде, где он проезжал на пути в Сибирь, его старались увидеть, как он сам рассказывал, как редкую птицу, желали с ним поговорить, узнать покороче о его деле, услышать подробности от него самого.

От Тобольска до Илимска сибиряков повсеместно поражал исполненный величием духа моральный облик Александра Николаевича Радищева, поражало, что его направляют в ссылку не за стремление к личной наживе, а за идеи, за убеждения, за желание блага измененному трудовому народу. Ответом на эти постоянные вопросы по пути следования и явилось знаменитое стихотворение Радищева:

«Ты хочешь знать, кто я? Что я?
Куда я еду?»

Я тот же, что и был и буду весь
мой век:

Не скот, не дерево, не раб —
но человек!

Дорогу проложить, где не бывало
следу,

Для борзых смельчаков и в прозе
и в стихах,

Чувствительным сердцам и истине
я в страх

В острог Илимский еду».

«Борзый смельчак» не замедлил явиться. Через три года и даже несколько раньше он пришел из Тобольска и снова возмутил, как и Радищев, спокойствие самодержавия. Это был учитель русской словесности Петр Словцов, ставший позже известным в литературе как «Сибирский Карамзин», как автор капитальных трудов, посвященных истории Сибири.

А. Н. Радищев по пути в ссылку по целому ряду причин значительное количество времени провел в Тобольске. Здесь в этот период существовал очень интересный для той эпохи литературный кружок, имелась своя литературная среда. В это время в Тобольске начал свою работу журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Он был первым литературным огоньком, к которому тянулись с разных концов Восточной и Западной Сибири ее культурные силы. Он явился колыбелью литературной жизни в Сибири. И, естественно, что передовые люди Тобольска группировались вокруг этого журнала. Беседы Радищева оставили революционизирующий след в молодой, творческой среде. Есть

предположение, правда пока еще не доказанное, что Радищев принимал и непосредственное участие в работе журнала, помещая в нем свои произведения.

Но что во время своего пребывания в Тобольске он оказал несомненное влияние на мысли и чувства лучших представителей тамошней интеллигенции, об этом говорит такой факт. Именно в Тобольске, после пребывания там Радищева, с горячим словом, направленным против устоев самодержавия, выступил молодой сибиряк, талантливый учитель и общественный деятель, историк и публицист Словцов.

Он выступил не в прозе и не со стихами. Мысли Радищева Словцов облек в гневные обличительные слова в церковной проповеди! Словно одна из волнующих страниц из «Путешествия» Радищева была прочитана Словцовым в церкви.

Дореволюционные биографы Словцова утверждают, что выступление его было результатом западноевропейских веяний. Они ни разу не попытались связать судьбу Словцова с известной книгой Радищева и с другими его произведениями. А между тем в своем дневнике «Путешествие из Сибири в Москву» при возвращении из ссылки Радищев записал, что он видел в Кунгуре копию своей книги. По всей Сибири и Уралу ходила в списках эта запрещенная самодержавием книга. Молодой учитель словесности П. Словцов не мог не знать о ней. Ясно, что он познакомился с рукописными экземплярами запрещенного труда изгнанного писателя. Именно это и побудило его выступить со своей речью.

Радищев понимал насколько заразительны его разговоры, насколько опасны для самодержавия его связи с местным сибирским обществом. Он писал об этом в своем письме к А. Р. Воронцову, когда ходатайствовал о получении права передвижения, в глубь илимской ссылки:

«Я бы почел в положении моем благодарением, если бы позволено мне было отлучаться от места моего пребывания. Верьте, что причина тому единственно научение. Если глагол мой заразителен, если дышу язвою и взор мой возмущение рассеивает, — скитаясь по пустыням и дебрям, проходя леса, скалы и пропасти, кто может чувствовать действия толико злодейственна существа? Пускай глас мой не переменялся, пускай вымя не стерта и носится гордо, глас ударять будет в камень, отзвонек его изыдет из пещеры и раздастся в дубраве необитаемой. Свидетелем моих мыслей будут небо и земля; а тот, кто зрит в сердце и завесу внутренности наша проникает, тот знает, что я, что быть бы мог и что буду».

Радищев в Тобольске пробыл свыше семи месяцев, он был здесь не «среди пустынь и дебрей», не среди «скал и пропастей» и, естественно, что его «заразительный глагол» ударял здесь не в камень, а в сердца человеческие, в их сознание и давал нужный «отзвонек». Один из таких отзвонков, по нашему мнению, и получился в речи, в «Поучении» Петра Словцова.

Его проповедь была прочитана по случаю торжества бракосочетания великого князя Александра Павловича. Среди не вызывавшего возражений материала, обычного для верноподданнического проповедника, Словцов ставил вопрос:

«Рассудим вообще о признаках народного счастья?».

И тут же отвечал на свой вопрос так:

«Тишина народная — есть иногда молчание принужденное, продолжающееся до толе, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное терпение, не прервут оно».

И дальше:

«Если не все граждане поставлены в одних и тех же законах, если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов, или одни несчастья, то там спокойствие, которое считают залогом общего счастья, есть глубокий вздох, данный народу тяжким ударом».

Затем проповедник продолжает:

«Правда, что спокойствие следует из повиновения, но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина. Еще прибавим, что целый народ искони не был ни в чем единодушен, разве в суеверии и заблуждениях политических».

«И так, — заключает П. Словцов, — когда тишина служит чаще знаком притеснения, что значат таковые монархии? Это великие гробницы, замыкающие в себе несчастные, стелющиеся трупы, и троны их — это пышные надгробия, тяжело гнетущие оные гробницы. Народы злополучные».

Естественно, что подобная проповедь «борзого смельчача» не могла пройти бесследно. «Поучение» Словцова не могло не взбудоражить тобольских блюстителей верноподданнических нравов, защитников монархического строя, защитников спокойствия престола. По адресу Словцова последовали доносы. Было учинено следствие.

«Сия речь не похожа на проповедь учившегося в семинарии человека, то есть ни правил, ни связи той нет, впрочем она дерзкая и развратительная», — говорилось в заключении следственной комиссии.

В конце 1793 года Словцова, срочно доставили в Петербург, а оттуда направили на заточение в Валаамский монастырь, на Ладожское озеро.

Не без влияния Радищева появилась в Тобольске и книга, посвященная крестьянам, изданная Тобольской типографией под названием «Сельская экономия или нужнейшие экономические записки для крестьян, содержащие в себе подробное наставление в производстве хлебопашества». Она была составлена губернским регистратором Шукшиным и вышла в то время, когда еще специальной литературы, посвященной интересам крестьян, в царской Сибири не было.

Это влияние Радищева и его книги мы наблюдаем на протяжении многих десятилетий.

Крестьянин из деревни Иудино. Бейской волости, Минусинского уезда. Енисейской губернии, автор книги «Трудолюбие и туеядство, или торжество земледельца», сочиненной им в первой половине восьмидесятых годов XIX столетия, Тимофей Михайлович Бондарев говорил своим собеседникам: «Об Александре Николаевиче Радищеве я слышал еще, когда был у помещика рабом, а потом приходилось читать «Путешествия» его, будучи солдатом, а затем в Минусинске попала мне полностью копия рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву».

Несомненно под прямым воздействием мыслей «Путешествия из Петербурга в Москву» написал Т. М. Бондарев свой труд о торжестве земледельца.

Бондарев был не единственным читателем в Минусинске рукописного экземпляра «Путешествия» Радищева. Надо полагать, что при наличии крупнейшего краеведческого Мартьяновского музея, объединявшего вокруг себя большое количество прогрессивной интеллигенции, круг читателей запретной книги был довольно широк и мог способствовать появлению новых списков как в других уездах Енисейской губернии, так и далеко за ее пределами.

Последующие поиски помогут исследователям уточнить многие факты из истории популяризации «Путешествия из Петербурга в Москву» в дореволюционной, каторжной Сибири.

Здесь, в этой связи, мы остановимся пока на двух чрезвычайно характерных публикациях, вызванных неослабным интересом к Радищеву и к его бесмертной книге в Сибири и, в частности, в Красноярске, в Енисейской губернии.

В 1896 году на страницах красноярской газеты «Енисей» появляется письмо доктора Н. Шмитца, перепечатанное из Омской газеты «Степной край».

Редакция «Енисей», выступая за приоритет русской науки, русской научной мысли, сообщает интересные

материалы, посвященные первым опытам оспопрививания, начало которым положил в Илимске А. Н. Радищев.

«Давно известно, что многие изобретения, давшие иностранцам всемирную славу, существовали однако в России гораздо раньше, чем были открыты за границей. То же теперь обнаруживается и относительно оспопрививания. Доктор Н. Шмитц напечатал по этому поводу следующее письмо в «Степном крае...»

И дальше приводится полностью текст этого письма. В нем, кроме подтверждения приоритета русской медицинской науки в области оспопрививания, весьма интересным является ссылка на Радищева, как на известного автора «Путешествия из Петербурга в Москву» и указание на отдельные места из предисловия к нему следующего содержания:

«Кроме того, Радищев, при помощи некоторых медицинских сведений, помогал крестьянам в болезнях и несчастных случаях: по словам сына, А. Н. открыл оспопрививание гораздо раньше Дженнера, и прививал оспу своим детям и жителям Илимска. Заявление это заслуживает полного внимания».

Автор письма и редакция газеты вновь напомнили общественности о запрещенной книге, причем на этот раз сослались на новое издание, очевидно ефремовское, уничтоженное свирепой царской цензурой в 1872 году.

Интерес красноярцев к имени Радищева был настолько велик, что это вызвало появление на страницах той же газеты «Енисей» (через три номера после перепечатки письма из омской газеты) весьма интересной мемуарной статьи Павла Прейна, озаглавленной: «Из воспоминаний о Радищеве, авторе «Путешествия из Петербурга в Москву».

Автор мемуаров о Радищеве детство свое провел в Илимске. Дед его, еще до ссылки Радищева, жил у него в Петербурге, и вместе с ним прибыл в Илимск. Павел Прейн хорошо знал и ближайшего помощника Радищева по врачеванию — Степанушку.

Значение этих мемуаров не утратилось, и теперь приходится лишь пожалеть, что они слишком кратки. Возможно, что эта краткость вынужденная, сокращение сделано цензурой и газетой и, может быть, еще удастся исследователям отыскать полный текст, названных выше мемуаров. Но даже и в урезанном виде, в обстановке строжайшего запрета, упоминание об авторе и его книге было довольно смелым.

Вот что читатели газеты «Енисей» узнали из воспоминаний Павла Прейна:

«В 125 номере газеты «Енисей» напечатано предположение, что сосланный в заштатный город Илимск, Иркутской губернии, Радищев ввел прививание оспы. Я уроженец Илимска, дом моего дяди и отца был рядом

с домом, где жил Радищев. Дед мой жил у Радищева в бытность его в Петербурге, а затем с ним же приехал в Илимск и здесь в восьмисотых годах или в конце XVIII столетия умер уже после возвращения Радищева в Россию. Мой отец передавал мне, что Радищев занимался лечением жителей Илимска. Камердинер Радищева Степанушка, коего я помню хорошо, приученный Радищевым к лечению, был на 300 верст вверх по реке Илимю от Илимска популярнейшим врачом от всех болезней; помню, что этот Степанушка, не позднее 1834 г., прививал и мне оспу. Меня, уже бойкого мальчика, держали, пока он делал надрезы на руках. Знаю хорошо, что Степанушка лечил травами и настойками. По вскрытии реки Илима от льда Степанушка отправлялся вверх по Илимю и в августе месяце приплывал на плотах в Илимск со всеми жизненными запасами на зиму: хлебом, живой птицей, соленой рыбой, сушеным мясом, овчинами, оленьими, сохатыми шкурами и проч. Все это получилось за лечение. Оставляя Илимск в 1841 году, я помню, что в Илимске и около его не было изуродованных оспою...и что не болели этой болезнью, почему и могу предполагать, что Радищев делал оспопрививание в Илимске».

Тот же неистребимый интерес к А. Н. Радищеву и его замечательной книге полсказал красноярскому купцу-библиофилу Г. В. Юдину желание во что бы то ни стало иметь среди других редчайших книг и «Путешествие из Петербурга в Москву».

Считанные экземпляры первого издания с величайшим трудом доставались любителям антикварам. После многих безуспешных попыток один из таких экземпляров все-таки оказался в знаменитой Юдинской библиотеке. Известный русский ученый Д. Н. Анучин в своей статье-исследовании «Судьба первого издания путешествия Радищева» так описывает внешний облик книги из юдинской коллекции:

«Экземпляр этот переплетен в (очевидно, современный) коричневый кожаный переплет, украшенный золотыми завитками исключительно на корешке, тогда как самый переплет без всяких украшений. Обрез листов красный. Следов принадлежности прежнему владельцу в книге не имеется, равно, как и вообще каких-либо рукописных отметок».

Конечно, это редчайшее издание, кроме владельца библиотеки и близких ему людей, никто не видел. Но самый факт наличия в Красноярске этого экземпляра, хотя и обслуживающего весьма узкий круг читателей, должен быть также обязательно учтен при изучении обстоятельств популяризации, распространения книги Радищева.

В то самое время, когда министр народного просвещения граф С. С. Уваров своей резолюцией запретил появление в свет статьи А. С. Пушкина о Радищеве, сообщая в Петербургский цензурный комитет, что он находит «неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения» — в отдаленные сибирские гимназии тайными путями проносили сведения о Радищеве и его сочинениях.

Одним из таких интересных примеров являются рассуждения иркутских гимназистов при разборе ими басен Крылова, опубликованные в 1836 году в сборнике «Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии, писанные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Поликсеньева». Здесь через тысячи препон в отдельных сочинениях гимназистов проступают известные им факты из «Путешествия из Петербурга в Москву».

Перед взорами пытливого историка Сибири А. П. Шапова постоянно стоял немеркнущий образ великого русского писателя-революционера А. Н. Радищева.

В тяжелых цензурных условиях царского самодержавия в 1863 году А. П. Шапов напомнил читателям о своем любимом авторе в статье «Новая эра на рубеже двух тысячелетий», хотя и не называя его бессмертного «Путешествия из Петербурга в Москву».

Глубоко задушевную характеристику творчества Радищева, свои многолетние размышления о нем изложил Шапов в произведении, которое не могло увидеть свет при жизни историка — в своей «Гражданской грусти» Шапов посвящает Радищеву следующие взволнованные строки:

«Сердечно-симпатичные, глубоко-мысленные думы Радищева обнимают почти все главные грустные стороны русской гражданственности, и то потоком слез и тихой сердечной грусти поливают горе народное, то раздражаются сильным воплем, раздирающим досадой силой мстительной иронии и глубокая сильная гражданская туга, боль, грусть сердца выливается во всей полноте и силе в думах и идеях Радищева. Внутренний мотив этой грусти — глубокое отрицание деспотических и варварских принципов и форм существующего тогда общественного склада и социально-демократическое настроение идей Радищева».

Вслед за Шаповым, мы должны назвать здесь имена прогрессивных публицистов дореволюционной Сибири Ядрищева, Шашкова, которые в своей обширной журналистской практике не раз напоминали своим читателям о Радищеве и его сочинениях.

В книге Н. М. Ядрищева «Сибирь, как колония», в «Очерках русских

нравов в старинной Сибири» С. С. Шашкова мы находим ярко выраженное стремление популяризировать труды А. Н. Радищева.

Под датой 1790 г. историк Сибири 70—80 гг. прошлого столетия Н. Щеглов в своем труде, ставшем настольным пособием для сибиреведов, «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири» записал:

«Изданы узаконения и распоряжения... о наказании коллежского советника Радищева за издание книги, наполненной вредными умствованиями, оскорбительными и неистовыми выражениями противу сана и власти царской».

И вслед за этой официальной выдержкой из указа екатерининского сената Щеглов с обстоятельной по объему сноской, останавливает внимание читателей на краткой биографии А. Н. Радищева, стремясь помочь им разобраться в основных данных из жизни и деятельности сосланного самодержавием писателя-революционера.

Эту свою справку, набранную петитом, автор «Хронологического перечня» построил на трех основных источниках: на собрании сочинений А. С. Пушкина, изд. 1859 г., на исследовании бытописателя Максимова «Сибирь и каторга» и на словаре митрополита Евгения.

Таким образом, сибирский историк включением имени Радищева в свой справочный труд подчеркнул значение и место великого русского революционера, писателя А. Н. Радищева в жизни Сибири. Пребывание его от Тобольска до Илимска, по праву, должно быть отнесено к важнейшим данным сибирской истории. Наряду с этим, Н. Щеглов обратил внимание на наиболее доступные в его время библиографические материалы, которые могли бы расширить сведения читателей, желающих узнать значительно больше того, что рассказано им в сравнительно короткой справке о Радищеве.

Рецензенты «Хронологического перечня важнейших данных из истории Сибири», современники Щеглова, обозревая обширнейший материал, привлеченный историком, обязательно останавливали свое внимание на пребывании Радищева в Сибири, отталкиваясь от фактов, приведенных Щегловым в его книге, продолжая популяризацию имени великого писателя-революционера и его сочинений.

Здесь уместно, отметить, что если сочинения Радищева оказывали большое влияние на развитие общественной, научной мысли в Сибири, то они, несомненно, могли бы оказать и еще большее революционизирующее значение, если бы не было всякий раз за плечами каждого, писавшего о Радищеве, бдительного ока царской цензуры.

Радищев одним из первых выступил в литературе с темой о русско-китайской торговле. Позже эта тема находит своих авторов в Красноярске и в Иркутске. В Красноярске ей посвящает свой очерк А. Степанов в «Енисейском альманахе на 1828-й год», в Иркутске — Авдеева в книге «Записки и замечания о Сибири» и Миллер в «Прозаических сочинениях иркутских гимназистов». Но ни один из названных здесь авторов не оказался на высоте радищевских взглядов, не сумел продолжить намеченной им творческой линии, которую тот мастерски раскрыл в своем знаменитом письме о китайской торговле.

В Сибири имелся редчайший экземпляр радищевской книги, принадлежавшей А. С. Пушкину. На ней рукою поэта обозначено: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии, заплачен двести рублей». Эта реликвия была перелана в дар Томскому университету. Однако боясь влияния радищевской мысли на научных работников и студентов университета, попечитель Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринский отправил указанный экземпляр в Петербургскую публичную библиотеку.

В этот период времени, по настоянию того же Флоринского, была запрещена «Сибирская газета». На торжественный акт открытия университета не был приглашен виднейший писатель Глеб Иванович Успенский, приехавший в Томск специально для участия в празднестве. Все это делалось для того, чтобы не нарушить «спокойствие» студентов и либеральных лекторских сил университета.

Очень важно отметить, что прогрессивные дореволюционные сибирские газеты и журналы при всех жесточайших цензурных гонениях всячески стремились напомнить читателю о Радищеве, приковать к нему внимание сибиряков. И это им удавалось. Ряд интереснейших материалов, просочившихся в печать, наглядно свидетельствует о жажде читателей Сибири знать все, относящееся к жизни и деятельности великого русского революционера.

Но только теперь, после Великой Октябрьской социалистической революции, вместе со всем советским народом, читатели Сибири получили в руки желанные сочинения А. Н. Радищева.

Воспитанные мудрой партией Ленина — Сталина, читатели старшего и молодого поколений, приняли широкое участие в праздновании знаменательной даты двухсотлетия со дня рождения Александра Николаевича Радищева и 150-летия со дня его смерти. Литературное наследство славного борца с самодержавием, крепостным правом — дорого каждому строителю нового коммунистического общества.